

“МЫ МНОГОЕ СДЕЛАЛИ ИЗ ТОГО, ЧТО ХОТЕЛИ СДЕЛАТЬ”

Культура. — 1995. — 27 мая. — С. 5.

*“Милый мой Юлик!
Вот и ты попал в клуб восьмидесятилетних, дорогой мой!
Сколько же воды утекло с той поры, когда мы с тобой ходили
по вечеринкам, а потом сидели в избушке, в Абрамцеве, и писали
“Потонувшие львы”! Немного осталось в живых людей, которые
помнят то, что помним мы.*

*Мы прожили удивительный Век, со всем, что ему удалось и что
не удалось. И если говорить серьезно и честно, мы с тобой прожили
счастливую жизнь. Мы сделали многое из того, что хотелось
сделать, и если кое-чего и не сделали, то не по нашей вине.*

*Спасибо тебе за наш общий труд, за все, что он принес мне. А
он принес мне много. Но и ты должен признать, что и я кое-что
принес тебе.*

*Мне хочется, чтобы ты был здоров. И весел, как в былые, далекие
времена.*

Поцелуй Созанну. Как это ни привычно, но это всегда прекрасно.

Твой верный друг Женя Габрилович”.

“Дорогой мой Юлечка!

*Я думаю, что уже немного осталось на свете людей, которые
имеют возможность так обратиться к тебе по праву юношеского
товарищества.*

*Я помню тебя молодым, мудрым, веселым, с гитарой в руках
— человеком, который очень нравился девушкам и которому очень
нравились девушки.*

*С тех пор прошумела жизнь. Мы часто встречались с тобой в
работе, расставались, порой на долгие годы, чтобы опять встре-
титься за рабочим столом. Мы с тобой люди разные, разных ха-
рактеров и дорог, но порт приписки у нас один. И даже, когда мы
работаем порознь, вдали друг от друга, эта приписка, этот общий
причал дает себя знать: мы любим одно и то же в искусстве и
ненавидим в искусстве одно и то же.*

А это уже очень много для совместной работы.

*Да, прошумела жизнь. Все изменилось: слава пришла к тебе, но
стал ты, как кажется, несколько лысоват.*

*Что пожелать тебе в этот день, когда ты окружен пожелания-
ми! Может быть, самого трудного в жизни: чтобы ты снова был
молод, снова кудряв, чтобы тебя снова любили девушки и чтобы
ты снова любил их.*

Обнимаю тебя, старый друг и товарищ.

Твой Женя Габрилович”.

Вместе с главным хранителем
Музея кино Надеждой Александровной Тарховой мы разбирали

домашний архив Юлия Яковлеви-
ча Райзмана. То, что было жи-
вой, обычной жизнью и никак не

предназначалось для бессмер-
тия, становится достоянием му-
зейных витрин и хранилищ. Вот

телеграммы, вот письма. Вот
грамоты и адреса в кожаных
папках — их множество — к юби-

лейным датам, премиям и про-
чим событиям, ныне не имею-
щим никакого значения. Что те-
перь делать с этими реликвиями?

А с письмами благодарных
зрителей? С поздравлениями ор-
ганизаций и учреждений, кото-
рых больше нет?

Надо сказать, что сам Юлий
Яковлевич никогда не жил минув-
шим — только сегодняшним
днем. Даже и в том уже воз-
расте, когда живут воспомина-
ния. Нет. Вспоминал редко и
неохотно, хотя уж, казалось,
было что вспомнить. О писании

мемуаров и речи быть не мо-
гло: водить пером вообще не
любил. Обратил внимание: ведь
и фильмы его все — про совре-
менность, про текущий день.
Папки с адресами, письма, те-
леграммы и все прочее, относя-
щееся к прошедшему, покои-
лось где-то в дальних ящиках;

похоже, он это все складывал,
да так уж никогда больше и не
достаивал. Делать это пришлось
нам.

И вот среди писем и теле-
грамм, извлеченных нами на

свет, — листочки со знакомым
почерком Габриловича.

И это уже принадлежит исто-
рии.

У них были простые, веселые
отношения товарищей по искус-
ству, соратников, соавторов,
сделавших вместе шесть картин,
но вдобавок еще и друзей юнос-
ти, хотя один был старше друго-
го на четыре года (Габрилович),

что, возможно, когда-то имело
значение. Уже взрослыми люди-
ми — обоим за тридцать — они

встретились для общей работы в
кино, и это была знаменитая
“Последняя ночь”. Райзман ска-
зал мне как-то полушутя, что

украд у литературы скорее все-
го большого писателя: после успе-
ха “Последней ночи” Габрило-
вич, в то время уже многообе-
щающий прозаик, автор несколь-
ких сборников, бросил прозу и

с головой ушел в кино. “Это моя
вина, я его соблазнил”, — гово-
рил Райзман.

Если это так и он действитель-
но виноват перед литературой,
то кинематографу, сценаристи-
ке он подарил первого в то вре-
мя настоящего писателя, чело-
века литературы, и это, как мы
знаем теперь, на многие годы
определило путь кинодраматур-
гии. Не литературный умелец-по-
денщик, не “диалогист” или изо-
бретатель “гэгов”, не обслужи-
ватель, а самоценный автор, ав-
тор содержания, встал рядом с
режиссером, установив планку
литературного качества для всех
пишущих. Сценарий как род

изящной словесности, произве-
дение, пригодное равно для чте-
ния и постановки, — это все Габ-
рилович, его труды, его начало.
И ведь что интересно: в филь-
мах того же Райзмана, Ромма,
Юткевича, Панфилова, Аверба-
ха, самостоятельных и не похо-
жих друг на друга мастеров,
руку Габриловича, его интона-
цию узнаешь всегда.

Работу их с Райзманом мне
приходилось наблюдать. Когда-
то в Болшеве, в замечательном
нашем доме, мы даже начинали
втроем “Странную женщину”
(третий — автор этих строк —
вскоре, по ряду причин, “от-
пал”). В 11 утра, после завтра-
ка, садился в номере у Евгения
Иосифовича. Тот казался уже
несколько усталым и рассеян-
ным. И было от чего: в 6 утра у
меня за стенкой — мы жили в
соседних номерах — начинала
стучать его машинка: Габрило-
вич писал свою мемуарную про-
зу. Это держалось в секрете от
нашего режиссера: “Не говори-
те плантатору!”, — предупреж-
дал меня Габрилович. Иначе как
плантатором он своего друга не
называл (разумеется, за глаза).

Плантатор наш и впрямь был
жесток и неумолим. Он беспо-
щадно браковал наши первые ва-
рианты, требуя новых и новых,
еще и еще, и успокаивался где-
то на шестом или седьмом. (Со
временем, работая с ним, я на-
ловчился подкладывать свой пер-
вый вариант как якобы десятый,
и это иногда сходилило). Ему важ-

но было чувствовать, что ты вы-
кладываешься, работаешь до
седьмого пота, начальный же
вариант, набросок, был всегда
подозрительным, как “халтура”,
хотя, случалось, бывал самым
удачным... Сам Райзман, как
уже сказано, пером водить не
любил, но сочинял, импровизи-
ровал всегда охотно и часто
очень здорово, оставалось толь-
ко записывать за ним.

Итак, Райзман импровизиро-
вал, Габрилович записывал на
клочке бумаги, потом, выпро-
вадив нас, тут же садился за ма-
шинку, и через час текст был
готов. Это был вроде тот же,
только что оговоренный, но уже
другой текст. К нему прикосну-
лась рука мастера. Вот ведь ка-
кая магия. Покойный Илья Авер-
бах не врал мне, когда в эпоху
работы над “Монологом” рас-
сказывал, что, встречаясь со
“стариком”, придумывает и даже
как бы разжевывает сцену за
сценой, а тот уж потом “запи-
сывает”, но зато волшебным до-
бавлял Илья. Да, может быть, и
так: “записывает”. Но прочтите
сценарий, посмотрите фильм:
Габрилович! Ни с кем не спута-
ешь.

С Райзманом они были очень
разными по-человечески. Мяг-
кий, податливый, склонный к ком-
промиссу Евгений Иосифович (о
чем им самим с поразительной
откровенностью написано) и —
твердый, безукоризненно вежли-
вый и выдержанный, холодно-не-
уступчивый Юлий Яковлевич.

Сценарист — и режиссер. Раб-
— и плантатор! Никогда не за-
буду, как однажды в Матвеев-
ском, в Доме ветеранов кино,
где Габрилович в последние
годы жил уже почти постоянно,
я узнал, что в гости к нему при-
ехал Юлий Яковлевич и посту-
чал в дверь. “Кто там? Войди-
те!” — послышался властный го-
лос. Как вы думаете, чей? Хо-
зяина комнаты, сценариста? Ни-
чего подобного: гостя-режиссе-
ра. На то он и режиссер, что-
бы вести себя по-хозяйски даже
в гостях. Это — Райзман, Райз-
ман у Габриловича.

Как мне не хватает сегодня
этих двух замечательных тапан-
тливых людей. Они оставались
тапантивыми, продуктивными,
духовно здоровыми, азартными
и в преклонные свои годы. Вот
вам подтверждение, что истин-
ный талант не знает возраста.
Может быть, устаревали их вку-
сы, пристрастия, но не они
сами. Райзман с присущим ему
упорством продолжал отстаи-
вать свою реалистическую веру,
не признавая никакой другой.
Вот еще недавно на “Мосфиль-
ме”, в просмотровом зале, он
смотрел рабочий материал
“Пьесы для пассажира” — это
был последний в его жизни про-
смотр, — и надо было слышать,
как отчитывал он любимых им
“Вадима и Сашу” за то, что не
все понятно в сюжете, а “Ва-
дим и Саша”, как всегда, кля-
лись, что в озвучании непременно
все прояснят. Оба они, ре-

жиссер и сценарист, хорошо
помнили и помнят, как тот же
Юлий Яковлевич — еще в те
трудные времена, далеко не во
всем принимая их фильм “Па-
рад планет”, встал грудью на
его защиту, когда судьба кар-
тины висела на волоске. Фильм,
к счастью, удалось отстоять, он
получил свои лавры, после чего
Юлий Яковлевич все-таки упря-
мо пенял им на излишнюю, с
его точки зрения, условность,
то есть на то, что он не прини-
мал и принимал не собирався...

Передо мной два письма.
Одно — наверняка к 80-летию
(1983 год), другое, на машин-
ке, к 85-летию, как можно по-
нять из текста. Два письма-по-
здравиения, два странички из
частной переписки друзей. И
тот, и другой не терпели вы-
сокопарности, не склонны
были к сантиментам. В личном
общении они чаще подтруни-
вали друг над другом, не чуж-
даясь и сильных выражений,
ненормативной лексики, как
это сейчас зовется. А тут...

Прочтите сами. Юбилейные
даты и невозможность сви-
детельствовать поводом двум людям
сказать друг другу наконец те
слова, которых они избегали в
течение всей долгой жизни бок
о бок. Тем интереснее для нас
эти скромные дружеские по-
сплания, отнюдь не предназ-
наченные для вечности и — о-
ставшиеся в ней.

Анатолий ГРЕБНЕВ.

27.5.95

Райзман Юлий Яковлевич